

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕХОДА ОБЩЕСТВ ВОСТОКА В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

О. В. Ким

COMPARATIVE HISTORICAL MODEL OF EASTERN SOCIETIES' TRANSITION IN THE EARLY MODERN PERIOD

O. V. Kim

В статье предлагается сравнительно-историческая модель перехода средневековых восточных обществ в Раннее Новое время. Специфические типы модерности на Востоке определялись системой экзогенных и эндогенных факторов. Они рассматриваются в контексте теории модернизации и мир-системного анализа. Теоретический синтез позволяет поднять вопрос об «условно-османском» и «условно-китайском» преобладающих типах переходных процессов в посттрадиционных обществах Востока. Азиатские страны с разной скоростью проходят период Раннего Нового времени в 1453 – 1840 гг.

The paper provides the comparative historical model of transition of medieval Eastern societies in the Early Modern period. Specific types of "modernity" in the East were defined by a system of internal and external factors. They are considered in the context of Modernization Theory and World-System analysis. Theoretical synthesis allows to raise the question about "Relative-Ottoman" and "Relative-Chinese" general types of transitional processes in Eastern post-traditional societies. The Asian countries pass this Early Modern period with different speed in 1453 – 1840.

Ключевые слова: раннее Новое время, переходные общества, теория модернизации, модернизация на Востоке.

Keywords: Early Modern History, transitional societies, Modernization theory, modernization in the East.

Современное развитие «глобальной истории» привело к появлению взгляда на раннее Новое время как на переходную эпоху в мировом масштабе. Это выражено в представлениях о сложносоставном «вызове модерна», вызвавшем концентрические волны региональных модернизаций. В ходе этих процессов возник новый уклад жизни и система ценностей, средневековая традиция изменялась под давлением новшеств, наступил этап «разрыва традиционности». Сторонниками этого подхода отмечено, что три «пороховых империи» Востока вступили в переходное состояние хронологически близко к Европе. Так, начало османского Нового времени нередко обозначают временным коридором 1453 – 1520 гг. (падение Константинополя и начало правления Сулеймана Великолепного); для Индии это период 1498 – 1526 гг. (Васко да Гама и образование империи Великих Моголов), для Ирана 1501 – 1588 гг. – создание государства Сефевидов и реформы шаха Аббаса. То, что Новый Свет подтягивается к глобальной истории символической датой 1492 года, а Африка – не ранее 1600 года, объясняется различной темпоральностью региональных версий перехода. Общего мнения о периодизации раннего Нового времени для Дальнего Востока нет: для одних специалистов Китай вступил в эпоху перемен в 1644 году, а Япония – в 1603 году, с началом периода Токугава [4, с. 4 – 6]. Для других историков ранний модерн в Японии наступает вместе с эрой Тёнбун (1532 – 1555), предвещавшей появление португальцев и рождение Тоётоми Хидеёси [18, р. 38]. Многие китаеведы считают, что разложение традиции и системные изменения начались в Китае в поздний период Мин, за несколько десятилетий до прихода маньчжур [16, р. 58]. Разнообразие периодизаций отражает дискуссионный характер проблемы.

Как отмечает И. В. Побережников, в исследованиях широких исторических трансформаций намече-

но смещение от структуралистских макроисторических объяснений к сравнительно-историческим моделям. Такие функциональные модели процессов дают возможность составлять страновые варианты перехода от традиции к модерну, реконструировать их общие стадии и специфические исторические особенности. Методологическая пластичность и синкретизм, свойственные современной теории модернизации, позволяют связать ее с контекстом других макроисторических теорий [7, с. 18 – 20]. Глобальная динамика экономических циклов и взаимодействий, технологического обмена, складывание региональных и трансконтинентальных политических иерархий является предметным полем мир-системного анализа. Взаимосвязь внутренних и внешних факторов трансформации, их взаимодействие с реальными процессами развития раскрывает модернизационная парадигма. Цивилизационный подход позволяет концептуализировать традиционный контекст, социокультурный базис и «коридор возможностей» исторического перехода, обосновывает его региональную темпоральность.

В исследованиях о средневековых мир-системах А. Г. Франка, Дж. Абу-Лугход, Т. Д. Холла, К. Чейз-Дана развилась идея о том, что мировая гегемония Европы после 1500 года не была фатальной. Она стала результатом субъективных тенденций, вклинившихся в длинные региональные циклы развития. При этом отмечается, что торжество западного капитализма было функцией и экономическим проявлением его военно-технологического превосходства, а не наоборот [1; 10; 13]. Отмечается, что исторически долго в мировом технологическом, демографическом и производственном балансе доминировали мир-системные центры Китая, Индостана, Среднего Востока, связанные коммуникацией Великого Шелкового пути. Евразийский ритм культурной передачи обеспечил европейскую реализацию изобретенных на Востоке поро-

ха, компаса, книгопечатания и бумажного векселя. Период 1500 – 1750-х годов был временем напряженного равновесия между Западом и Востоком, когда ход истории не был детерминирован и мог реализовываться по вееру возможностей. Коллапс восточных империй между 1750 и 1850-ми годами с точки зрения влиятельной группы сторонников мир-системного анализа не блокировал их развитие навсегда, а привел к временному перемещению системного ядра.

Децентрализация европейского дискурса в модернизационной парадигме стало следствием серьезной ревизии теории в последней четверти XX века. Укрепился концепт о том, что экзогенная, парциальная модернизация могла проходить вне конвергенции с европейской цивилизацией. Ш. Айзенштадт выдвинул идею множественности модерностей как результата воздействия множественных культурных программ, и указал на позитивное значение традиции – она обеспечивает социально-культурную устойчивость современному обществу, позволяет ему сохранять позитивную идентичность [12]. Д. Рюшмейер указал на относительные возможности фрагментарной модернизации и пластичную приспособляемость традиционных форм [15]. Как следствие, в современном понимании процессов модернизации в неевропейском ареале возможен перенос внимания с проблем генезиса капитализма на другие процессы. Можно согласиться с мнением И. В. Побережникова, что такой альтернативой может стать фигурационная теория Н. Элиаса. Фигурация – это процесс многостороннего социального общения людей, в ходе которого постоянно изменяются и усложняются правила общественного поведения, психологические ориентации. Фигурационная динамика становится фактором формирования высокоорганизованного общества, основанного на постоянном взаимодействии и самоконтроле людей [11, с. 242 – 252]. Такая интерпретация модерности позволяет перенести акцент с сущностной динамики капитализма на иные объекты внимания – социальные связи нового типа; формирование дисциплинарного общества, разделение труда, культурные тенденции, на трансформацию традиций и синтез традиций и инноваций. Если мы добавим к этим критериям факторы внешних влияний, военной революции, национальной консолидации, этатизма, меркантилизма – то получим в первом приближении общие контуры искомой функциональной модели.

Для большинства сообществ Востока вызов модерна был комплексным, экзо- и эндогенным. В истории Востока 1200 – 1450 годы были отмечены рядом системных кризисов, подрывавших международный баланс и внутреннюю стабильность некогда великих империй. Монгольские и тюркские нашествия нанесли большой материальный, человеческий и культурный урон Китаю, Индии, Хорезму, Ирану, Ближнему Востоку. В то же время они стали фактором мощной культурной диффузии и замыкания евразийской мир-экономики. Благодаря им в XIII – XIV вв. технологический комплекс Китая получил возможность евразийской трансляции, а на всем протяжении Шелкового пути сложилась система бесперебойной караванной торговли. В отношении традиционных азиатских деспотий нашествия носили преимущественно регрес-

сивный характер и, по мнению многих востоковедов, с ними была связана волна феодализации (и, как следствие, децентрализации) общественно-политических структур. Причиной коллапсов XIV века стало демографическое перенаселение и экономический кризис – оба явления были взаимосвязаны и отразили завершение характерного и очередного для традиционных обществ цикла демографического сжатия. В это время экологические, хозяйственные и политические возможности государств оказались не в состоянии преодолеть нарастающую социальную энтропию. Этим процессам сопутствовали опустошительные эпидемии в континентальном масштабе. Важным фактором экономического упадка востока стал распад монгольской системы поддержания торговых путей – и, как следствие, разрыв мир-экономических связей. Экзогенный фактор был связан с внешними угрозами, которые исходили от кочевых периферий, сильных в военном отношении соседей, или являлись проявлением политической и этно-религиозной децентрализации. В конце средневековья Восток столкнулся с военно-торговой и религиозной экспансией Европы, которая требовала адекватного ответа.

Таким образом, на рубеже Нового времени перед азиатскими цивилизациями стояли сложные исторические задачи – военная революция и политическая централизация – создание эффективного, регулярного государства, способного на экспансию и дающего безопасность; преодоление религиозной дефрагментации и национальная консолидация; создание сложного дифференцированного общества и развитие социального контроля; преодоление экономического и демографического кризиса. Конкретное развитие процессов перехода и модернизации определялось, с одной стороны, воздействием цивилизационно-культурной матрицы, а с другой – чередой субъективных факторов, событий и отношений, которые определили реальное положение вещей.

Страны Востока в раннее Новое время были объединены общей демографической динамикой. Период империалистического роста Османской империи, Сефевидского Ирана, империи Моголов в Северной Индии в XVI веке, а также становление империи Цин и сёгуната Токугава в XVII веке происходило на фоне демографического роста и благоприятных социально-экономических условий после разрушений и потерь, завершивших предыдущий цикл. Относительная устойчивость государства и высокие реальные доходы производителей объяснялись наличием свободных земель и конъюнктурой роста. Переход к кризисному циклу сжатия происходит через несколько десятилетий и связан с исчерпанием возможностей экстенсивного производства и традиционных способов редистрибуции. Существенной причиной сжатия могло быть исчерпание возможностей внешней экспансии. Несколько десятилетий сжатия чередовались с краткими ремиссиями. Но в целом демографический цикл заканчивался сломом, т. н. брейкдауном, крахом государства и большими потерями населения. Так, С. А. Нефедов указывает, что в Османской империи в раннее Новое время прошло два цикла:

1) 1470 – 1540 – период роста восстановления;

2) с 1540 – период Сжатия; 1595 – 1609 – экосоциальный кризис; конец XVIII в. – брейкдаун [6, с. 606 – 607].

Важными параметрами динамики переходных процессов является мир-системная локация – степень близости конкретного сообщества к морским и континентальным коммуникациям, что в свою очередь прямо влияет на интенсивность экзогенных факторов. Приморские и островные территории раньше попали в орбиту воздействия западной мир-экономики, столкнулись с эксплуатацией и навязыванием парадигмы развития, но имели больше исторического времени для адаптации к ней. Континентальные периферии исторически дольше сохраняли традиционалистскую основу. В целом роль фундаментальных, базовых структур и ценностей высока, они имеют большую вневременную устойчивость. Как отмечает И. В. Побережников, большие пространства, население и ресурсы создавали больших евразийских империй предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркичное развитие. Это могло ослабить модернизационные процессы и импульсы. Периферийная удаленность в перспективе приводила к абсолютному неравенству сил в столкновении со зрелой европейской гегемонией в Новое время. Воздействие европейского колониализма становится более интенсивным на рубеже XVIII – XIX веков, оно могло быть причиной изменения вектора модернизации и даже быть причиной ее слома. Неудачи реформаторской политики, нашествия, народные волнения и сепаратизм могли запустить механизмы регрессивного развития и реанимации традиционализма.

Классическими признаками азиатских аграрных экономик принято считать преобладание государственного сектора над частным, ориентацию на воспроизводство и социальный баланс, технологический консерватизм, вертикальную государственную реди-стрибуцию. В эпоху раннего модерна в аграрной экономике начинают действовать три мощных фактора, которые приводят к росту производства и дифференциации социальной среды. Первый фактор – процессы *протоиндустриализации*. В протоиндустриальном обществе экономика базируется на сельском хозяйстве, а промышленность «встроена» в аграрную экономику и тесно с ней связана. Это, однако, не препятствует достижению достаточно высокого уровня товарного производства и появлению специфического пространственного разделения труда – когда значительная часть аграрного населения втягивается в активную экономическую деятельность за пределами сельского хозяйства. Протоиндустриализация представлена различными формами промышленного производства – городское ремесло, кустарные и домашние крестьянские промыслы, разными разновидностями мануфактур. На этом этапе было возможно существование развитие торговли на местных и внешних рынках, концентрация капиталов, формирование рынка труда [8, с. 156 – 157]. Второй фактор – развитие торгового капитала. Это комплексный процесс отделения ремесла от сбыта и появления в социальном поле нового агента – купца-скупщика, который в значительной степени выступает организатором ремесленного, кустарного производства, ориентированного на рынок [5,

с. 400]. Высокий товарный уровень ремесла и значительные объемы торгово-ростовщического капитала, высокая степень урбанизма в Иране, Индии, Китае и других странах Востока неоднократно описывались в научной литературе. Например, внешняя торговля Англии в 1789 году равнялась 3 % объема внутренней торговли Индии [3, с. 116 – 120]. Третья тенденция – высокая степень урбанизма в Османской империи, Индии, Китае, Японии. В начале раннего нового времени крупнейшие города мира располагались на востоке – Нанкин, Истамбул, Исфахан, Багдад, Осака и др. Горожане составляли до 22 – 25 % от общей доли населения, при том, что, например, Эдо в XVIII в. вдвое превосходил Париж [2, с. 452, 489]. Под этой характеристикой совокупно понимается высокая удельная роль крупных городов в структуре государства и мир-экономики, формирование городских субкультур, ценностей и моделей поведения. Цивилизационная особенность развития товарно-денежных отношений на Востоке выразилась в том, что эволюция городского труда и экономики обладала самостоятельным развитием, была отделена от ритма и стиля деревенской жизни, не вызвала ее разложения. Особый статус земледелия в экологических и социальных условиях Востока позволял ему функционировать относительно автономно, сохранять традиционный «феодално-общинный» облик [9, с. 142 – 143]. Этот устойчивый признак являлся ограничителем развития протобуржуазных тенденций в раннее Новое время.

Региональные отличия исторических параметров и интерьера модернизации в Западной и Восточной Азии побуждают к выделению двух типологических разновидностей неевропейского модерна, т. н. «условно-османский» (Ближний Восток, Центральная Азия) и «условно-китайский» варианты (Япония, Китай). Для «условно-османского» варианта основным инструментом модернизации общества и государства является военная, территориальная экспансия. В соответствии с этим основное развитие получают социальные структуры и институты, обеспечивающие осуществление этой экспансии и поддержание даннической системы. Важным структурным элементом модерна является «пороховая революция», создание комбинированного войска из служилой конницы и пеших стрелков гулямов (иранское *туфенгчи*, османские *капы-кулу*), аналоги янычарского корпуса. Эффективность социального развития, способность противостоять кризисам в этом варианте прямо пропорциональна способности всех общественных подсистем поддерживать и развивать военно-политическую сферу. Для обществ, развивающихся по условно-османскому варианту, характерен многонациональный и поликонфессиональный состав населения, с выраженной этнической специализацией. Характерным признаком реформаторской политики султанов и падишахов становится попытка привлечь во властные структуры представителей «светских», развитых в социальном отношении национальностей, носителей имперской идентичности (сербы, греки в Османской империи, грузины, армяне, азербайджанцы в Иране, персы в Индии). Большое значение имеет разделение населения на земледельцев и кочевников с вытекаю-

щей разницей уровней развития и диаметральными жизненными ориентациями. Последнее обстоятельство (наличие тюркских, монгольских и других кочевых по происхождению военных элит) определяет принудительную передачу военно-феодалных институтов и традиций социально-политическому строю классической азиатской деспотии. Прежде всего, это условные земельные держания представителей служилого сословия (*тимар*, *тиуль*, *джагир*) как основа военно-административной и фискальной структуры государства. Борьба военных элит за статусные позиции и суверенитет является существенным ограничителем его центростремительной политики. Таким образом, социально-политическая система таких обществ изначально обладает высоким потенциалом децентрализации. Жизненные практики людей, идеалы и культурные образцы в рамках традиционалистских архетипов определены парадигмой ислама и нормами шариата.

Условно-китайский, дальневосточный вариант модерна развивается в контексте политики добровольной самоизоляции от внешнего мира с гипертрофированной ролью социальных институтов, обеспечивающих контроль, интеграцию общества и внутреннюю солидарность. Это замыкание на внутренней ойкумене (архетип Поднебесной, окруженной недружественными варварами). Приоритет внутренней политики над внешней основан на конфуцианской доктрине общества и государства. Эффективность этого варианта прямо пропорциональна способности государства поддерживать внутренний сословный баланс и проводить политику внешней изоляции. Эту систему характеризует традиционный азиатский этатизм с опорой на надклассовую бюрократию, или как в Японии периода Токугава – на лояльное государство, контролируемое военное сословие. Этнически и конфессионально гомогенное население (титовая нация преобладает во всех ключевых сферах деятельности; религиозные и национальные меньшинства статистически незначительны; иноземная правящая элита подвергается быстрой культурной ассимиляции) вписано в строгую сословную систему (*си-но-ко-сё* в Японии, *ши-нун-гун-шан* в Китае), отношения всех сословий с государством четко определены. Сообществам конфуцианской цивилизации присущ высокий технологический и социокультурный уровень развития. Характерно, что в эпоху Мин Китай обладал мощным флотом технически и количественно превосходящим любой европейский флот раннего Нового времени, о чем свидетельствуют семь военно-торговых экспедиций Чжэн Хэ в 1405 – 1433 гг., достигших Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки. Аналогично японские даймё Одо Нобунага и Токатоми Хидеёси смогли в XVI веке организовать массовое производство огнестрельного оружия и создать многотысячный корпус стрелков, опережая при этом европейское производство и тактику на 50 – 70 лет [14, с. 140]. Однако правящие режимы Японии и Китая сочли возможным и необходимым отказаться от этих технических средств во избежание опасных для общественного баланса социальных последствий военной революции и внешних контактов. В XVII в. правительство Цин и сегуны Токугава провели ре-

прессии против христиан и предприняли меры для сокращения экономического влияния экспортируемого из Европы серебра [18, р. 359; 17, р. 626]. В целом этому типу свойственна значительная устойчивость традиционного базиса, что в свою очередь препятствует быстрому введению инноваций, но сообщает всей цивилизационной системе большой потенциал самовоспроизводства.

Естественно, указанные типы не охватывают всего многообразия вариантов, прежде всего Южную Азию, Индию с ее особой темпоральностью, религиозным синкретизмом, варно-кастовой системой. Они являются полярными выражениями сущностной динамики перехода для стран Востока. При этом история Делийского султаната, империи Великих Моголов показывает ряд системных соответствий условно-османскому типу. Это правление иноземной кочевой династии, ислам и мусульманский дискурс социальной политики, стремление Моголов опереться на систему условных земельных держаний джагирдаров, большое культурное и военно-технологическое влияние Ирана, попытки религиозно-идеологической консолидации разнородного населения.

Раннее Новое время для стран Востока – эпоха напряженного поиска дальнейших путей развития. Общее в тенденциях развития Европы и Азии выразилось в империалистическом росте, абсолютистских тенденциях, пороховой революции, развитии светской культуры, урбанизме, появления высокоорганизованного общества контроля. Закрытие «коридора возможностей» позитивных трансформаций определялось как цивилизационными, так и внешними факторами. Первые проявления кризиса азиатские страны испытали в середине XVII века, уже утратив изначальный импульс имперского роста и консолидации. Достигнув пределов экспансии, они столкнулись с центробежными тенденциями, с проявлениями мирового экономического кризиса, с ростом военно-торговой экспансии Европы и России. Эти факторы ослабляли функции эффективного общественного контроля. На рубеже XVIII – XIX вв. Восток испытал деструктивное воздействие неблагоприятного демографического цикла, достиг пределов возможностей экстенсивного развития, стал субъектом расширения капиталистической мир-экономики Запада. Кризис региональных модернизаций и резкое возрастание экзогенных факторов привел к перестройке процессов от относительно эндогенного социального синтеза в логику зависимого, догоняющего развития. В эту фазу страны Востока также входят не синхронно: Османская империя, Индия, Иран – раньше, позже – Япония, Китай. Временной коридор можно маркировать 1757 – 1840 годами (от победы англичан в сражении при Плесси в Индии до первой Опиумной войны в Китае). Вхождение в Новое время для стран Востока совпало, и было связано с периодом складывания глобальной евроцентристской капиталистической мир-системы.

Литература

1. Абу-Луход Дж. Переструктурируя миро-систему, предшествующую Новому времени // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций* / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2001. Вып. 2. С. 449 – 461.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 1: Структура повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь Мир, 2006. 552 с.
3. Зарин В. А. Запад и Восток в мировой истории XII – XIX вв. М.: Наука, 1991. 263 с.
4. История человечества: в 8 т. / под ред. П. Берка и Х. Инальчика. Т. V. XVI – XVII века. М.: Магистр-Пресс, 2004. 500 с.
5. Ким О. В. Переход от Средневековья к Новому времени в теории торгового капитализма // III исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы Международной научной конференции 11 – 12 ноября 2010 года. Томск: изд-во ТГПУ, 2011.
6. Нефедов С. А. Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. М.: Территория будущего, 2008. 751 с.
7. Побережников И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. 44 с.
8. Проскуракова Н. А. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX – начала XX вв. // *Экономическая история. Обозрение* / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 11. М., 2005.
9. Фурсов А. Н. Капитализм на Востоке во второй половине XX в.. М.: Восточная литература РАН, 1995. 603 с.
10. Чейз-Данн К., Холл Т. Две, три, много микросистем // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций* / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2001. Вып. 2. С. 424 – 448.
11. Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. II. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 82 с.
12. Eisenstadt S. N. Multiply Modernity. *Daedalus*. Cambridge (Mass.), 2000. Vol. 129. № 1. P. 3 – 10.
13. Frank A. G. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand*. L., N. Y.: Routledge, 1993. 320 pp.
14. Parker G. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500 – 1800*. Cambridge University Press, 1988. 265 p.
15. Rueschemeyer D. Partial modernization // *Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons* / Ed. by J. C. Loubser et al. N. Y., 1976. Vol. 2. P. 756 – 772.
16. *The Cambridge history of Japan*. Vol. 4. Early Modern Japan. Edited by J. W. Hall. Cambridge University Press, 2008. 698 p.
17. *The Cambridge history of China*. Vol. 9. Part One: The Ch'ing Empire to 1800. Edited by D. Twitchett, J. K. Parsons. Cambridge University Press, 2008. 714 p.
18. *The Cambridge history of China*. Vol. 7. The Ming Dynasty, 1368 – 1644, Part I. Edited by D. Twitchett, J. K. Parsons. Cambridge University Press, 2008. 859 p.

Информация об авторе:

Ким Олег Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков факультета истории и международных отношений КемГУ, zaecposad@gmail.com.

Oleg V. Kim – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communication, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.